

**Marina F. Bykova, Michael N. Forster,
and Lina Steiner, eds. *The Palgrave Handbook
of Russian Thought*.**

Cham: Palgrave Macmillan, 2021.

Для цитирования: Эпштейн, М.Н. Рецензия на книгу *The Palgrave Handbook of Russian Thought*, edited by Marina F. Bykova, Michael N. Forster, and Lina Steiner. *Историко-философский ежегодник* 37 (2022): 470–479.

For citation: Epshtein, Mikhail N. Review of *The Palgrave Handbook of Russian Thought*, edited by Marina F. Bykova, Michael N. Forster, and Lina Steiner. *History of Philosophy Yearbook / Istoriko-filosofskii ezhegodnik* 37 (2022): 470–479.

Поступила в редакцию / Received: 01.05.22

Принята к публикации / Accepted: 30.05.22

Эта Книга (так, с заглавной буквы, буду ее называть) охватывает русскую философию во множестве ее дисциплинарных составляющих и направлений: от логики до эстетики, от политики до религии, от кантианства до толстовства... Здесь есть главы проблемно-тематические, посвященные, например, естественным наукам, философии деятельности, эпистемологии, искусству, русскому роману, – и главы персональные, включая Н. Гоголя и В. Белинского, В. Соловьёва и Л. Шестова, В. Ленина и О. Мандельштама, И. Ильина и Э. Ильенкова, А. Лосева и Ю. Лотмана... 36 глав, написанных ведущими специалистами из России, США, Германии, Великобритании и других стран,



складываются в монументальное историко-философское полотно, которое свидетельствует о витальности и многогранности русской мысли.

Между тем академическое сообщество на Западе склонно с подозрением относиться к самому факту существования русской философии, часто причисляя ее к ведомству «идеологии» или «общественной мысли». Но что такое философия? Простого и универсального определения не существует. Одной из самых правдоподобных представляется номиналистическая ссылка: философия – это то, чем занимались Платон и Аристотель. По словам А.Н. Уайтхеда, «самая надежная общая характеристика европейской философской традиции состоит в том, что она состоит из ряда примечаний к Платону»¹.

Платонизм

Если это так, то русская мысль должна рассматриваться как важная часть западного философского наследия, поскольку она представляет собой ряд примечаний к самым зрелым и обобщающим диалогам Платона: «Государство» и «Законы». Вопросы политической философии и социальной этики, отношения человека и государства, мудрости и власти, идей и идеалов как ориентиров человеческой жизни – все это, как показывает Книга, является центральным в русской философии и свидетельствует о ее непреходящей актуальности для западной традиции. Более того, сам статус идей в русской философии отражает платоновское видение их как онтологических сущностей, «законов» или идеальных принципов – в отличие от простых эпистемологических единиц или инструментов познания.

Платоновская тенденция к интеграции религиозных, философских и политических учений и их практическому воплощению достигла кульминации в России XX в. В советском государстве, как, быть может, никогда в истории, философия стала высшим правовым и политическим институтом, приобретая силу надличностного, универсального разума. Философское осмысление

¹ Alfred North Whitehead. *Process and Reality* (Glencoe, IL: Free Press, 1979), 39.

действительности и превращение ее в прозрачное царство идей под «мудрым руководством» правящей партии считалось общей целью философии и общества. Так в СССР создавалась «платоновская утопия», «Платония», хотя и под знаменем материализма, но по сути превращенного в орудие идеократии, в «материалистическую идеологию». Поэтому сама мысль в момент своего государственного триумфа превратилась в узника утопического Хрустального дворца, который советская идеократия возвела на философском фундаменте.

По мнению Сергея Аверинцева, избыток платонизма в русской интеллектуальной традиции – это повод не для гордости, но скорее для сожаления и раскаяния. Аверинцев ставит вопрос: нельзя ли, вопреки явным платоническим предпочтениям русской мысли (от И. Киреевского до А. Лосева), пусть и с огромным отставанием от Запада, ориентировать ее на Аристотеля, более здравого и терпимого к законам человеческого естества? «Если Платон – первый утопист, Аристотель – первый мыслитель, который посмотрел в глаза духу утопии и преодолел его. <...> Аристотелевская техника мысли более нейтральна по отношению к религии, чем платоновский экстаз»². Кстати, о преобладании Платона над Аристотелем в русской интеллектуальной традиции свидетельствует и данная Книга: судя по именному указателю, Платон упоминается почти в два раза чаще, чем Аристотель.

Тотализм

У каждой национальной традиции есть свой «странный аттрактор», как говорят в теории сложности. Английский эмпиризм, французский рационализм, немецкий идеализм, американский прагматизм... Какими бы стереотипными ни казались эти

² С.С. Аверинцев. «Христианский аристотелизм как внутренняя форма западной традиции и проблемы современной России», в *Риторика и истоки европейской литературной традиции* (М.: Школа «Языки русской культуры», 1996), 322.

определения, они помогают прояснить отличительный вклад наций в философию. Где же в этом ряду находится Россия?

Владимир Соловьёв считал, что целью познания является преодоление всех видов односторонности, которые он называл «отвлеченными началами». К ним относятся идеализм, рационализм, эмпиризм и позитивизм, которые были выдвинуты западными философскими течениями в качестве первопринципов бытия и знания. Многие российские мыслители, напротив, уклоняются от каких-либо определенных и конкретных «измов», предпочитая дополнять (и разбавлять) их другими понятиями. Например, когда речь идет о разуме или интеллекте, они добавляют, что истинный разум соединяется с полнотой веры. Когда речь идет о воле, они подчеркивают, что это не выплеск необузданных сил, а разумное убеждение. Русская философия кажется общим местом: многое верно, но мало нового. Может быть, это отсутствие оригинальности свидетельствует не просто о слабости русской мысли, а о характерном для нее стремлении к тотальности? И тогда русский «изм» именно таков: в лучшем случае – «холизм», в худшем – «тоталитаризм».

Иван Киреевский заявлял:

<...> Там [на Западе] раздвоение духа, раздвоение мыслей, раздвоение наук, раздвоение государства, раздвоение сословий, раздвоение общества, раздвоение семейных прав и обязанностей, раздвоение нравственного и сердечного состояния, раздвоение всей совокупности и всех отдельных видов бытия человеческого, общественного и частного. В России, напротив того, преимущественное стремление к цельности бытия внутреннего и внешнего, общественного и нравственного³.

Целостность представлялась как спасительное преодоление всех крайностей и разделений западной цивилизации – ума и сердца, воли и разума, веры и знания, индивида и общества, церкви и государства – и как залог грядущего возвышения России над разделенным европейским миром.

³ И.В. Киреевский, «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России (1852)», в *Избранные статьи* (М.: Современник, 1984), 235 (<http://psylib.ukrweb.net/books/kiree01/index.htm>).

Читая Книгу, удивляешься тому, как постоянно, от одного мыслителя к другому, понятие «единство» повторяется в различных синонимах и контекстах: «единство», «всеединство», «цельность», «целостность», «соборность», «совокупность», «тотальность», «интегральность» и т.п. Русские мыслители стремятся не к созданию чего-то оригинального и особенного, а к объединению всего того, что уже сделано и достигнуто на расходящихся философских путях. Даже самые заклятые оппоненты, западники и славянофилы: В. Белинский и А. Хомяков, А. Герцен и И. Киреевский, Ф. Достоевский и Вл. Соловьёв – объединяются этой «сверхидеей» единства как всемирного призвания русского народа. При этом резко отвергаются всякие «частные принципы», все то, что ограничивает и разделяет как личности, так и народы. Все формы приватности и партикулярности должны быть преодолены на пути к универсальному целому, которое по своим масштабам даже превосходит западный католицизм. Согласно этой логике тотальности, нам лучше остаться ни с чем, чем довольствоваться частным и ограниченным и отказаться от стремления к «всеобъемлющему». В. Белинский писал:

Русская личность пока эмбрион, но сколько широты и силы в натуре этого эмбриона, как душна и страшна ей всякая ограниченность и узость! Она боится их, не терпит их больше всего – и хорошо, по моему мнению, делает, довольствуясь пока ничем, вместо того, чтобы закабалиться в какую-нибудь дрянную определенность. А что мы всеобъемлющи потому, что нам нечего делать <...> это ложь <...>⁴

Здесь западничество Белинского переходит в русофильство, причем мессианского толка: лучше ничем не быть, чем быть «чем-то», впасть в «дрянную определенность». Лучше не считаться вовсе среди европейских народов, чем считаться на равных среди них, особыми среди особых.

Собственно, уже первый оригинальный русский мыслитель П. Чаадаев делает головокружительный *salto mortale*:

⁴ В.Г. Белинский, «Письмо В.П. Боткину, 8 марта 1847 г.», в *Полное собрание сочинений*, т. 12, Письма 1841–1848 (М.: Изд. Академии наук, 1956), 350.

сначала объявляет Россию страной, ничего не давшей миру, а затем возвышает ее над остальным миром как «совестный суд», призванный разрешить все противоречия. От ничего – сразу ко всему. «<...> Мы не внесли в массу человеческих идей ни одной мысли, мы ни в чем не содействовали движению вперед человеческого разума <...>» (1-е «Философическое письмо», 1828)⁵. Но именно поэтому мы имеем «возможность созерцать и судить мир со всей высоты мысли, свободной от не обузданных страстей и жалких корыстей» («Апология сумасшедшего», 1837)⁶. Таковы философские основы тоталитарных устремлений русской мысли, позднее реализованных в революционных движениях и коммунистических экспериментах XX в. (по словам пролетарского гимна, «кто был ничем, тот станет всем»).

Философия и философское

Характерно, что почти половина Книги, вся ее вторая часть, посвящена диалогу русской философии с литературой и искусством. Как известно, русская литература считается на Западе гораздо более мощным и оригинальным выразителем философских идей, чем русская философия как таковая. М.Н. Форстер в своей заключительной статье замечает:

Естественно задаться вопросом, почему возникла эта поразительная асимметрия между относительно скромными достижениями в чистой философии и впечатляюще высокими достижениями в литературе (с. 786).

К этому «литературоцентризму» русской философии можно добавить «политоцентризм». Первая часть Книги во многом посвящена русской политической и революционной философии, в частности радикальной интеллигенции рубежа XIX–XX вв.,

⁵ П.Я. Чаадаев, «Философические письма», пер. Д.И. Шаховского в *Полное собрание сочинений и избранные письма*, 2 т. (М.: Наука, 1991), 1:330.

⁶ П.Я. Чаадаев, «Апология сумасшедшего», пер. С.М. Юрьев, в *Полное собрание сочинений и избранные письма*, 2 т. (М.: Наука, 1991), 1:534 (<https://www.philosophy.ru/library/polnoe-sobranie-sochineniy-i-izbrannye-pisma-v-2-t-t-1-/>).

Ленину и другим марксистам, Ивану Ильину и т.д. Действительно, российская политика, особенно в XX в., настолько пропитана философией, что оказывает более сильное влияние на мир, чем философия как таковая. Но почему?

Дело в том, что философию не следует сводить к существительному «философия». Бертран Рассел сетовал на то, что в системе философских категорий обычно фигурируют только существительные («бытие», «сознание», «идея», «материя» и т.д.) – и почти не представлены другие части речи: прилагательные, глаголы, наречия, предлоги... Эта критика может быть адресована самой категории «философия». Почему данное существительное должно обладать привилегией по сравнению с прилагательным «философский», которое применимо ко многим областям *философской* деятельности и творчества, включая литературу и политику?

Таков один из главных парадоксов российской интеллектуальной истории: преобладание *философского* над *философией*. Государство, идеология, экономика, политика и геополитика, литература, искусство, военное дело, освоение космоса – все эти сферы в России и СССР были вполне и даже избыточно *философскими*, хотя *философия* как таковая, как академический предмет и дисциплина самоценной рефлексии, была далеко не столь развитой и утонченной, как на Западе. В определенном смысле западная философия как дисциплина «отдала себя на аутсорсинг» своим ученикам – русским писателям и революционерам. А именно: предоставила Федору Достоевскому и Льву Толстому, Владимиру Ленину и Льву Троцкому опробовать в литературной и политической практике множество западных философских идей, от Платона, Руссо и Гегеля до Фейербаха, Маркса и Ницше. Создавала эти идеи – а экспериментальное производство артефактов на их основе переносила в Россию. Так и получилось, что на Западе философия процветала как академический предмет, а в России ее влияние породило избыток *философского*, где прилагательное поглотило существительное.

То же самое можно сказать и о преобладании глагола «философствовать». Как заметил Николай Бердяев:

Русскому народу свойственно философствовать. Русский безграмотный мужик любит ставить вопросы философского характера – о смысле жизни, о Боге, о вечной жизни, о зле и неправде, о том, как осуществить Царство Божье. <...> Судьба философии в России мучительна и трагична⁷.

Это типично русский парадокс: если стремление «философствовать» как действие было широко распространено даже среди «простолюдинов», то судьба профессиональной философии и ее представителей была трагична.

Почему? Именно потому, что *философское* и *философствовать* как атрибуты и действия государства и общества преобладали над *философией* как существительным, как самостоятельной дисциплиной. Собственно русская философия оказала очень скромное влияние на Запад, но влияние *философского* было огромным. Русская литература XIX в. повлияла на западную культуру своими *философскими* идеями и проблемами, так же как СССР повлиял на Запад *философскими* практиками, которые определяли советскую идеологию, политику и экономику (марксизм, материализм, социализм, коммунизм, диалектика, коллективизм).

В сугубо философском государстве, каким был СССР, состояние самой философии было плачевным, в 1930–1940-е она вообще сошла на нет, стала служанкой партийной идеологии. Но сфера *философского* процветала, распространяясь даже на такие отдаленные области, как физиология (Павлов), сельское хозяйство (Мичурин), театр (Станиславский), причем все эти виды деятельности прославлялись и поддерживались государством как «философски правильные», как верные «материализму» и «реализму». Судьбоносная и часто катастрофическая оригинальность русской философии заключалась именно в ее распространении на другие области в акте «кенозиса», или самоопустошения. Этот акт можно рассматривать двояко: как агрессивное философское присвоение политики, экономики, идеологии и литературы – и как жертвенную, самоубийственную преданность философии миру за пределами ее профессиональных границ.

⁷ Н.А. Бердяев, *Русская идея* (СПб.: Азбука-классика, 2008), 59.

* * *

Три взаимосвязанные черты делают русскую мысль столь насущной и столь опасной: утопические устремления; дух тотальности; тенденции выйти за пределы академической философии. Русская мысль пыталась не столько объяснить мир, сколько изменить его, порой этически и поэтически, но часто агрессивно и деструктивно. Как исследователи русской философии мы заинтересованы в том, чтобы привлечь к ней больше внимания и повысить ее статус в академических кругах, в мировом интеллектуальном сообществе – но нельзя делать это за счет истины. Горькая правда лучше лжи. На мой взгляд, мы окажем подлинную услугу русской философии, если не будем скрывать ее антигуманистических, антилиберальных и антицивилизационных черт, особенно заметных в ее славянофильских, народнических, националистических, социалистических, коммунистических, евразийских и, как ни горько, фашистских течениях. В этой философии часто раздается голос антимира – голос «подполья», как экзистенциального (Достоевский), так и политического (Ленин).

В то же время противоядия, созданные в этой метафизической лаборатории, имеют огромную ценность: светский и религиозный персонализм и либерализм, плюрализм, рационализм и неорационализм, структурализм, культурология, концептуализм и постмодернизм⁸... Эти движения, противостоящие тотальности, нуждаются в изучении именно потому, что они были созданы и испытаны в тех же экстремальных условиях, в которых были произведены самые опасные интеллектуальные яды.

В заключение хотелось бы высказать пожелание. Книга широко представляет англоязычной аудитории основные движения русской мысли словами ее исследователей – но не самих философов. Между тем русская мысль за последние сто лет

⁸ Об этих течениях идет речь в моих книгах: Mikhail Epstein, *The Phoenix of Philosophy: Russian Thought of the Late Soviet Period (1953–1991)* (New York and London: Bloomsbury Academic, 2019); Mikhail Epstein, *Ideas Against Ideocracy: Non-Marxist Thought of the Late Soviet Period (1953–1991)* (New York and London: Bloomsbury Academic, 2022).

очень мало переводилась на английский, за исключением нескольких авторов, таких как М. Бахтин, Л. Выготский, Ю. Лотман. Есть известная трехтомная антология «Russian Philosophy», вышедшая в 1960-е⁹. Она останавливается на 1920-х гг., приводя фрагменты С. Франка, Н. Лосского, В. Ленина и Л. Аксельрод. А что было потом? Остро недостает по крайней мере четвертого (а может быть, и пятого) тома, куда вошли бы избранные статьи и фрагменты таких мыслителей (кроме вышеупомянутых), как А. Лосев, М. Пришвин (из дневников), Л. Гинзбург, Я. Друскин, В. Библер, С. Аверинцев, М. Мамардашвили, А. Синявский, Г. Померанц, Б. Хазанов и др. С предисловиями и обзорными статьями о них и о тех движениях, которые они представляют, – как в трехтомном издании. Когда я преподаю русскую философскую и религиозную мысль, эта антология оказывается незаменимым подспорьем – но ей не хватает продолжения. Если за век своего развития, условно от П. Чаадаева до С. Франка, антология русской мысли составила три тома, то ее продолжение на последующий век тоже заслуживает соразмерного представительства. Редакторам-составителям Книги удалось соединить столько замечательных авторов в работе над историей русской мысли, что было бы целесообразно теперь подумать и о подготовке антологии избранных текстов в английском переводе.

М.Н. Эпштейн,

Университет Эмори

30322, Доуман Драйв, д. 201, Атланта, Джорджия, США

russmne@emory.edu

⁹ *Russian Philosophy*, edited by James M. Edie, James P. Scanlan, and Mary-Barbara Zeldin, with the collaboration of George L. Kline. (Chicago: Quadrangle Press, 1965).